
**«ВЕРА В ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ ПОЛУЧИЛА УШИБ...»:
МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по материалам Горьковской области)**

В.А. Сомов

Кафедра современной отечественной истории
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия, 603950

В статье проанализирована проблема отношения местных властей к повседневным бытовым проблемам населения во время Великой отечественной войны. Основная идея данной работы заключается в том, что были многочисленные случаи формального отношения к проблемам граждан со стороны местных властей. Однако автор статьи подчеркивает, что жалобы на подобных бюрократов, как правило, не оставались без внимания государственной власти.

Сложные, неоднозначные, часто противоречивые взаимоотношения между отдельными гражданами и местной властью, обострившиеся в период Великой Отечественной войны, были предметом особого беспокойства центральной власти. Риск разрыва связей в системе «власть — общество» в начале войны был действительно велик и чреват потенциальным снижением обороноспособности. Этому способствовало не только деструктивное, паническое поведение некоторых представителей власти на местах, что вызывало негативную реакцию со стороны населения, но и нередко бюрократическое отношение к самым насущным проблемам жителей тыловых регионов. Внимание к конкретным, ситуативным проявлениям такого рода взаимоотношений может существенно дополнить представление о сущности общественного строя в СССР, скорректировать направленность дальнейших исследований в этой области исторического знания (1).

Одним из самых действенных кризисных факторов в отношениях населения и власти было то, что в условиях обострения международной обстановки и увеличения фактора внешней угрозы решение проблемы обеспечения высокоинтенсивного квалифицированного труда все более виделось власти в контексте ограничения личной свободы трудящихся в интересах государства. Эта политика достигла своего наиболее яркого воплощения в издании указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (2).

Практику его применения можно проиллюстрировать на примере трудового конфликта между бойцом пожарной охраны Горьковского лесозавода И.В. Гвоздевым и руководством предприятия. И.В. Гвоздев 21 июня 1941 г. написал письмо в правление Горьктранслеса с просьбой освободить его от работы. В этом письме автор приводит ряд причин, по которым он не мог дальше оставаться в данной должности: «Жена моя с детьми работает в колхозе в Вологодской области, имеет там дом, колхоз дал ей корову. Она решительно *не желает* (кур-

сив при цитировании документов мой — В.С.) работать со мной на производстве, считая колхозную работу для себя более привычной, и поэтому наиболее подходящей. Это обстоятельство заставило меня подать заявление директору лесозавода т. Куликову, чтобы он уволил меня с работы на заводе для работы в колхозе» (3).

Получив отказ, И.В. Гвоздев обращается к вышестоящей инстанции, критикуя своего непосредственного начальника: «он дальше своего „не могу“ не мыслит, мне же приходится думать не только о месте работы, но и о том, как работать врозь с семьей» (4).

Бытовые проблемы, невозможность нормально содержать семью, переживание разлуки с родными — вот основная причина конфликта. «Последний вопрос для директора завода не играет роли, а для меня является решающим... Какая же это жизнь? Уж один этот вопрос есть отравя» — пишет И.В. Гвоздев (5).

Примечательно, что автор письма — рядовой работник лесозавода, боец пожарной охраны, обладает высокой рефлексией относительно текущего момента, ориентируется в обстановке, не боится критиковать непосредственное начальство за, как тогда говорили, «бездушное» отношение к рабочему человеку. Излагая свою проблему, И.В. Гвоздев обращает внимание на то, что «Вот этого директор лесозавода не хочет знать. Он вполне обнадеялся (так в тексте — В.С.) на свое единоначалие и безграничную возможность применения принудительных мер. О том, что рабочий человек попадает в конфликт со своей работой, ему, директору нет дела. Он имеет в виду только экономику предприятия, а забота о человеке его не касается» (6).

Понимая, (и надеясь) что проблему, скорее всего, можно решить, лишь обратившись к наиболее возможно высоким инстанциям, И.В. Гвоздев упоминает в этом отношении имя И.В. Сталина, слегка намекая, что может обратиться и к нему. «Это, видимо, личное дело т. Сталина, но я не думаю, что по такому простому вопросу надо беспокоить т. Сталина. Полагаю, что директор л/завода должен уметь смотреть несколько дальше экономики» (7).

Далее автор письма демонстрирует высокую осведомленность и знакомство с основами трудового законодательства: «Я слышал по радио и из выступлений по закону от 26/VI'40 г., что увольнение с работы — это исключительное право директора. И все же обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне уйти в колхоз, к своей работе вместе с семьей и не заставлять меня делать работу, ставшую для меня чужой. *Посоветуйте* директору уволить меня с работы на л/заводе» (8). Реалии процесса подготовки страны к войне, а также возможные причины личного характера не позволили руководству лесозавода положительно решить вопрос автора письма: 25 июня 1941 г. на письмо была наложена резолюция «Ответ об отказе дан открыткой» (9).

Обращения граждан во властные структуры — характерное явление для советского общества 30—40-х гг. XX столетия. И дело здесь, скорее, не столько в особенностях «доносительского» менталитета некоторых граждан, которые, к сожалению, имели место, сколько в особом отношении к власти. Практика применения сталинского тезиса о «критике и самокритике как движущих силах социалистического общества» (10) формировала в сознании значительной части на-

селения повышенную восприимчивость к недостаткам в управлении государством и экономикой на местном уровне. Если критика высших органов власти в этот период не была характерным явлением (слишком велика была опасность «отступить от линии партии»), то среднее и местные звенья партийно-государственного аппарата довольно часто подвергались общественному контролю в форме так называемых «писем во власть».

Характер этих писем, их содержание, направленность критики сегодня достаточно хорошо изучены (11), чтобы говорить не только об их массовости, но и провести определенную классификацию. Наряду с доносами, клязумами, сведением личных счетов, существовали письма, авторы которых искренне беспокоились за действительное положение дел и пытались поставить в известность представителей власти. К разряду последних можно отнести письмо эвакуированной в 1941 г. в Горьковскую область жительницы Латвии А. Меживилкс. Письмо было адресовано Г.М. Маленкову (12). В нем автор раскрывала самые проблемные вопросы, связанные с процессом организации жизни и быта эвакуированных граждан на территорию Горьковской области летом—осенью 1941 года. Характерно, что она прекрасно ориентируется в идеологической ситуации и умело использует весь механизм обращения во власть. Рассуждая в русле сталинской концепции, А. Меживилкс обращает внимание руководства (в лице Г.М. Маленкова) на те недостатки, которые не могли пройти мимо ее внимания и касались ее лично.

В первую очередь, это общие условия жизни в советской деревне. Бывшая жительница Латвии, вынужденно покинувшая родину, приходит в ужас от увиденного: «Если Вы, тов. Маленков, пожилы бы в таком колхозе, в каком мне приходится жить (я эвакуирована из Латвии, проживаю в дер. Чергаши, Горьковской области, Перевозского района), у Вас, наверное, волосы стали бы дыбом — вместо настоящего социалистического хозяйства получилось какое-то уродство. Крестьянская масса живет в большой бедноте (главное пропитание — хлеб с водой, да и то не хватает) из-за неряшливости и, можно сказать, преступного руководства. Скажу Вам правду — в фашистской Латвии рабочие жили в гораздо лучших условиях, чем здешние колхозники» (13).

Помимо прочего, в письме присутствуют жалобы на неправильные, по ее мнению, действия местных властей при организации уборки урожая, организации колхоза в целом, а также на работу местного районного отдела НКВД. Судя по тексту и характеру содержания, А. Меживилкс считала, что именно существование местной бюрократии мешает установлению в СССР подлинно социалистического строя: «Почему колхозное дело в этой области не пошло на лад, а, можно сказать, очутилось в канаве? Пример — что эвакуированные с Украины отзываются о своих колхозах хорошо. Здесь не забудем законов, данных Лениным: 1) строгая диктатура сверху; 2) правильное исполнение — контроль; 3) критика снизу. Особенно страдает последнее — оно даже не принимается на счет местными органами. В Латвийской ССР редакции наших газет, также главный прокурор обратился к читателям с воззванием не умалчивать, а сообщать редакциям газет об известных кому-либо преступлениях и недостатках. *И я Вам скажу — это удивительное средство против тех, которые начинают*

дремать на своих теплых местах, которые наливаются жиром за счет народной бедноты, это одно из необходимых колес на пути к исконному социалистическому строю» (14). Для эвакуированной жительницы, которая, как было впоследствии установлено в результате проверки, проведенной Горьковским обкомом, до 1938 года вела фермерское хозяйство, такое положение было настолько неожиданным, что она откровенно признавала: «Вера в жизнеспособность социалистического строя получила значительный ушиб» (15).

Признавая факты нерадивого отношения к ведению хозяйства со стороны руководства местного колхоза, М.И. Родионов (16) в письме Г.М. Маленкову обращает его внимание на несовместимость психологии индивидуализма, свойственной А. Меживилкс, и общегосударственных задач: «Оценка положения в колхозах Перевозского района и выраженное в письме недовольство колхозными порядками со стороны А. Меживилкс в значительной мере объясняется ее несогласием с первой заповедью колхозов о первоочередном выполнении обязательств перед государством». И далее: «В беседе с инструктором обкома ВКП(б) А. Меживилкс говорила, что человек по своей сути эгоистичен, а раз это так, то надо в первую очередь обеспечить личные потребности, а что останется — отдать государству». Таким образом, секретарь Горьковского обкома ВКП(б) пытался показать чуждый советскому строю характер образа мышления заявителя. Хотя сам факт такой реакции на письмо косвенно подтверждает как наличие слушачев бюрократизма, так и стремление власти с ними бороться.

Особый характер имели письма с фронта, адресованные местным партийным и советским органам власти. Подобные письма носили массовый характер. Практика прямого обращения к органам власти для решения личных, конкретных проблем была довольно обычным явлением для советского человека 30—40-х гг. XX в.

Анализ источников позволяет с высокой степенью уверенности говорить о том, что власть реально, насколько это было возможно, помогала решать гражданам их проблемы, а не только о том, что эти проблемы имелись в массовом количестве. Особое внимание обращалось на письма и просьбы красноармейцев. Рискавая своей жизнью во имя защиты Отечества, воины РККА пользовались особым уважением в советском обществе, а их родственники могли рассчитывать на первоочередное обеспечение в материально-бытовом отношении. Именно поэтому основная масса писем военнослужащих, адресованных представителям власти, содержит просьбы об оказании материальной помощи. И надо сказать, что очень редко эти просьбы оставались без внимания, а проблемы — без решения.

Правда, случаи формально-бюрократического отношения к просьбам красноармейцев также имели место в предвоенный и военный периоды. Это вынуждало некоторых из них обращаться в более высокие инстанции. 12 марта 1941 г. в редакцию газеты «Правда» поступило письмо от красноармейца Ф.Д. Ельцова, в котором он жаловался на то, что его семья не может найти поддержки у местных властей в вопросе приобретения дров. И это несмотря на то, что, как писал заявитель: «При отправке в армию я надеялся на заверения наших районных руководителей о том, что моя семья без внимания не останется» (17). Как и в пре-

дыдущем случае, военный отдел обкома партии предложил военному отделу Ветлужского райкома (по месту жительства автора письма) разобраться в вопросе и принять меры (18). Из Ветлуги 25 марта сообщили, что все, о чем писал Ельцов, произведено в соответствии с законом о предоставлении квартирникам коммунальных услуг, и что «в части оказания помощи дровами т. Ельцова в Военный отдел и в Горсовет по этому вопросу не обращалась» (19). Этот ответ был расценен в обкоме как «формально-бюрократическая отписка», после чего вновь было предложено оказать семье красноармейца Ельцова материальную помощь и призвать к порядку виновника, «допустившего произвол» (20). В результате виновником был объявлен домоуправляющий (он был снят с работы), вопрос с дровами решен, о чем и было сообщено заявителю (21).

Начало войны не только обострило материально-бытовые проблемы трудящихся тыла, но и усложнило возможности их решения. Это особенно беспокоило бойцов Красной Армии. Трудно сказать однозначно, насколько эффективной была система решения этих проблем. С одной стороны, красноармейцы прибегали к письмам как к единственной и подчас последней возможности помочь своим близким, и количество таких обращений говорит не только о наличии проблем, но и о высокой степени бюрократизации их решений. С другой стороны, можно предположить, что в письмах отражены только те проблемы, которые не удавалось решить сразу, без обращения (порой неоднократного) к представителям партийных и советских органов.

Характерным в этом отношении является письмо старшего лейтенанта Точилина секретарю Горьковского обкома ВКП(б) Михаилу Ивановичу Родионову от 2 ноября 1942 года. В нем он писал: «Т. Родионов, долго ли будет продолжаться в Сталинском райжилуправлении такое бюрократическое, бездушное отношение к семьям военнослужащих, долго ли будут обивать их пороги ... Я скоро выздоравливаю, иду снова на фронт честно, по-большевистски бить врага, но семья моя должна жить в квартире, соответствующей ей» (22). Только после этого было принято решение о производстве ремонта в квартире семьи Точилина, а вскоре и о предоставлении новой квартиры, о чем есть соответствующие резолюции на письме.

Подобный характер носит и письмо майора Пантелеева в военный отдел Горьковского обкома с просьбой о помощи его семье. В результате этого обращения областным отделом государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих было дано прямое указание обеспечить семью майора Пантелеева всем необходимым в рамках возможного. Характерная деталь: выполнение этого поручения обеспечивалось личной ответственностью низовых работников. Об оказании помощи семье было доложено заместителем председателя облисполкома непосредственно заявителю (23).

Таким образом, прибегая к методу обобщения конкретного материала по проблеме, можно сделать некоторые выводы относительно реконструкции взаимоотношения местной власти и населения по социально-бытовым вопросам. Война, как особый период в истории нашей страны, вносила свой трагический колорит в пеструю картину повседневного быта. Большинство населения с пониманием относилось к вновь возникавшим проблемам. Но даже в такой ситуации

не преминули проявиться некоторые характерные черты российской бюрократии. Для бюрократа было свойственно стремление ни в коем случае не потерять власть, которую он зачастую рассматривал как единственное средство для относительно безбедного существования. При этом выполнение своих непосредственных задач для него порой было «в тягость», что неизбежно приводило к минимизации внимания к конкретным проблемам людей. В период 1930—1940-х гг. такое отношение справедливо и довольно точно именовалось «бездушным». Примечательно также то, что подобные качества «классический» бюрократ способен был проявлять даже в условиях всеобщей борьбы с врагом, как, например, в период Великой Отечественной войны.

С другой стороны, в условиях жестко структурированного аппарата власти, предполагавшего повышенную личную ответственность руководителей всех уровней, быть бюрократам было довольно опасно. Это было чревато невыполнением порученного задания, навлечением на себя критики со стороны граждан и, в конечном итоге, риском потерять власть. По крайней мере, материалы периода Великой Отечественной войны говорят именно о таком положении бюрократии в советском обществе. В то же время как проявления бюрократического произвола населением иногда воспринимались вынужденные решения местных властей, связанные с чрезвычайными условиями военного времени. Так или иначе, бюрократия традиционно является необходимым компонентом государственного управления, а качественные и количественные характеристики ее функционирования в значительной степени определяют отношение граждан к власти в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Важнейшее достижение в области социально-исторического познания, полученное с помощью методов микроистории, заключается в том, что именно благодаря максимальному многостороннему и точному освещению исторических особенностей и частных, характерных для общности индивидов исследуемого района, взаимосвязь культурных, социальных, экономических и политико-властных моментов раскрывается как взаимосвязь всех объектов исторического бытия» / *Медик Х.* Микроистория // Thesis. — 1994. — Вып. 4. — С. 197. Текст по: <http://www.hse.ru/science/igiti/thesis4.html>
- (2) Ведомости Верховного Совета СССР. — 1940. — № 20. — 5 июля. — С. 1. Указ 26 июня 1940 г. увеличивал рабочий день до 8 часов и запрещал «самовольный уход» рабочих и служащих с предприятий и учреждений, а также «самовольный переход» с одного предприятия на другое, за исключением переходов по болезни или по причине поступления в ВУЗ.
- (3) Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). — Ф. 2969. — Оп. 6. — Д. 8. — Л. 263.
- (4) Там же.
- (5) Там же.
- (6) Там же.
- (7) Там же.
- (8) Там же.
- (9) Там же.
- (10) Выдвигая этот тезис, И.В. Сталин в докладе на собрании актива Московской организации ВКП(б) говорил: «Если рабочие используют возможность открыто и прямо кри-

тиковать недостатки в работе, улучшать нашу работу и двигать ее вперед, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью. А это не может не поднять у рабочих чувство хозяина в стране, их активность, их бдительность, их культурность (*Сталин И.В.* Соч. — М., 1949. — Т. 11. — С. 37).

- (11) *Нерар Ф.* Сигналы в Нижегородском (Горьковском) крае (1928—1935) // Общество и власть. Российская провинция. 1917 — середина 30-х годов. Сост. А.А. Кулаков и др. — М., 2002. — Т. 1. — С. 410—459; *Козлов Н.Д.* Феномен доноса // Свободная мысль. — 1998. — № 4.
- (12) Георгий Максимилианович Маленков (1902—1988), секретарь ЦК ВКП(б), член Государственного Комитета обороны.
- (13) ГУГОПАНО. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 2603. — Л. 4.
- (14) Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 2603. — Л. 3—6.
- (15) Подробнее см. одноименную публикацию, подготовленную автором // Исторический архив. — 2005. — № 3. — С. 60—66.
- (16) Михаил Иванович Родионов (1907—1950). Первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б). Одновременно в 1941—1943 гг. возглавлял Горьковский городской Комитет Обороны. С марта 1946 по апрель 1949 — Председатель Совмина РСФСР. 13 августа 1949 г. арестован по «ленинградскому» делу. 1 октября 1950 г. расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.
- (17) Там же. — Л. 54.
- (18) Там же. — Л. 56.
- (19) Там же. — Л. 57.
- (20) Там же. — Л. 58.
- (21) Там же. — Л. 60.
- (22) ГОПАНО. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 2707. — Л. 163.
- (23) Там же. — Л. 96—98.

**LOCAL AUTHORITIES RELATIVE TO SOCIAL
AND EVERYDAY PROBLEMS OF THE POPULATION
AT THE TIME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(by materials of Gorkovsky Region)**

V.A. Somov

Department of Modern Russian History
N.I. Lobachevskiy State University of Nizhny Novgorod
Gagarin Ave., 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603950

The article reveals local authorities' relation to social and everyday problems of population at the time of the Great Patriotic War. Basic idea of the article is that there were numerous cases of formal relation to the problems of citizens on the part of local authorities. Though complaints to bureaucrats as a rule did not stay without attention of State power.